

Приемным детям показывают кузькину мать

С начала года у родителей «изъято» 30 тысяч приемных детей.

Из книг мы знаем, что относительно недавно в стране были «врачи-вредители». Из жизни помним про «чеченцев-террористов». Сегодня у нас старая болезнь с новым штаммом образа врага: на «горячей сцене» — приемные родители и опекуны-«истязатели».

Тема благодатная — ничего и никому не надо доказывать, достаточно только показать ребенка, который выглядит избитым, и при этом сообщить, что он из приемной семьи. Сказочно-песенные мотивы про злую мачеху и подлого отчима, засевшие в самых глубинных пластах нашей психики, сделают свое дело. Реальные страшные факты, которые, конечно же, есть в действительности и у всех на слуху, тут же всплывут в памяти, не оставив «ни пяди» места для сомнений и хоть какой-то критичности в восприятии новой информации.

«Презумпция невиновности» в ситуациях этого ряда практически не работает. И ситуации становятся просто абсурдными: в Интернете можно сегодня найти множество историй о том, как запуганные приемные родители пытаются самостоятельно бороться с хворями и напастями своих детей. Приемные родители боятся теперь вызывать «скорую», обращаться в травмопункты или в больницы — обвинят в истязании, отнимут детей. «Разве не так было с родителями Глеба Агеева? Разве там кто-то разбирался трезво, без эмоций?» — пишут на форумах.

И в самом деле, история маленького Глеба Агеева стала просто хрестоматийной. Его, теперь уже бывшие, приемные родители заняли в общественном сознании «почетное» место классических злодеев. Надо знать, как делалась «классика», для того чтобы составить хоть какое-то представление о новых событиях, связанных с «изъятием детей» (именно так это звучит на языке чиновников).

«Изъятий» с каждым днем все больше и больше, как будто палочная милицейская система отчетов перешла напрямую к органам опеки: чем больше детей отняли у родителей, тем лучше показатели работы. Передовики...

История о том, как делалась «классика»

На имя Глеба Агеева «Яндекс» сегодня выдает 317 тысяч страниц. Ребенку теперь четыре годика, а было три, когда его судьба, безо всякого преувеличения, взволновала всю страну. Люди с нормальной психикой не могут без содрогания видеть травмированного малыша, и когда такая фотография предъявлена миру практически всеми существующими в стране СМИ в одной тональности: «мачеха-садистка истязала приемного ребенка» — обратной дороги нет. Тем более если от темы ни на йоту не отступают на протяжении длительного времени, а в первые десять дней все вообще происходит в режиме мощнейшего реалити-шоу, которое транслируется чуть ли не изо всех щелей. Нам говорят: ребенок избит и обожжен! Версия родителей озвучивается только в пародийной тональности: «Допустить, что ребенок сам обжегся кипятком, потом скатился с лестницы, да еще его именно в этот момент покусала собака, — это уже слишком фантазмагорично...» И действительно, писателя, если бы он придумал такое нагромождение событий, назвали бы бездарным. А в жизни как раз и бывает иногда то, что нарочно не придумаешь. Двухэтажный деревянный дом в подмосковном поселке, детская — на первом этаже, на втором — спальня, там низкий столик с кипящим чайником. Дети всегда забегают туда, куда им не разрешается. Мать выходит из дома, увидев, что подъехал с работы отец, выносит какие-то вещи в подсобное помещение. Подъехавший отец, не предполагая этого, возится минут пятнадцать с вещами в багажнике. Малыш забегает на второй этаж, скачет, прыгает, игрушка залетает за столик, он за игрушкой, задевает провод и кипящая вода из чайника его обжигает. Он к лестнице, но не удерживается на ногах — возможно, от болевого шока, может быть, споткнулся. Летит по ступенькам. Собака по-своему пытается поднять ребенка — экспертизы отмечают, что часть травм на теле Глеба могли быть получены от ее когтей и клыков. Почему в такое развитие событий невозможно поверить и так легко верится в то, что малыша истязали? В доме есть еще один приемный ребенок, Полина, двух с половиной лет от роду, и на ней нет ни единой царапины. Странные какие-то, избирательные «истязатели детей». Отец в тот же вечер везет малыша в больницу...

Но мнение уже сформировано, хотя еще не было суда по возбужденному уголовному делу. А значит, нужно попробовать восстановить не столько само трагическое событие, сколько то, как оно подавалось. Как формировалось общественное мнение.

Время действия: 20 марта текущего года, отец привез малыша в больницу. Наутро фотографию травмированного Глеба публикует целый ряд СМИ. Практически сразу нарушен Закон о тайне усыновления, заголовки выпячивают тему «мачехи», буквально кричат, упирают на то, что ребенок родителям не родной.

24 марта, четвертый день несчастья. Тон задает «Лайф.ру»: выдает эксклюзив — съемку интервью «злой мачехи», она производит впечатление «деградировавшей, хронической алкоголички». Образ схватывается мгновенно, прилипает, как язык к топору на морозе. Можете теперь сколько угодно рассказывать о том, что человек, не просто не спавший трое суток, а проживший эти самые сутки в нечеловеческих переживаниях и под лупой ненавидящих глаз мира, вполне мог выглядеть и более помятым и разадаптированным... Тем более когда его о съемке не предупреждают, журналисты входят в дом под видом сотрудников МВД.

25 марта. Малыш в больнице оказывается под шквальным огнем телекамер, прямой эфир, эпизод, когда он говорит «Меня мамочка убила...» и бежит за своей машинкой, показали, наверное, все телеканалы. Это всего-навсего пятый день после случившегося, но, к счастью, уже очевидно — ребенок поправляется, хотя, конечно же, мало кто фиксирует свое внимание на этом факте. Журналисты общаются с малышом без участия детского психолога или хоть какого-нибудь законного представителя. И ладно бы только журналисты. Спустя несколько дней члены Общественной палаты РФ, собравшиеся на специальное экстренное совещание по вопросу ситуации с Агеевыми, вздрогнут при виде фотографий. Их выложит странный и никому до этого не известный тип, представившийся Дмитрием Герасименко. Он покажет фотографии обнаженного ребенка, чтобы предъявить травмы, которые нанесли малышу «фашисты-усыновители из благополучных семей». Выясняется, что фотографии сделаны через три часа после того, как Глеб был доставлен в больницу, но именно в то время туда никого не пускали — даже следователи, сотрудники опеки и журналисты получили возможность общения с малышом только через несколько дней. Кто его впустил и кто позволил фотографировать в обнаженном виде пострадавшего малыша? Герасименко уходит, так и не раскрыв своей тайны, но позже появляется во всевозможных телешоу, всюду представляется защитником Глеба Агеева и уходит от ответа на вопрос о своем собственном статусе. И только через полтора месяца выясняется — этот ньюсмейкер, с горящими безумным блеском глазами и перекрикивающий всех — штатный помощник лидера ЛДПР Жириновского.

Но вернемся пока еще раз в дни марта. 27-го числа отец забирает Глеба, он не может позволить, чтобы ребенка и дальше «расстреливали телекамеры», тем более что малыш уже практически здоров. Сюжет взвинчивается, появляется тема для острейшей интриги: «избитого ребенка вернули в логово истязателей». Интернет на время превращается в океан ненависти с одной стороны и безграничной любви — с другой. В социальной сети «Одноклассники.ру» возникает инициативная группа для защиты ребенка, люди сговариваются о встрече и преследуют «подлецов-маньяков», ходят за ними с табличками, суть которых «долой, казнить». Врача, который позволил отцу увезти Глеба из больницы и заявил, что не может делать выводы о характере травм на основании слов трехлетнего ребенка, снимают с работы (позже, правда, восстанавливают).

Тут надо заметить, что все это время «братья по разуму» из желтых изданий пытаются составить конкуренцию «Лайф.ру» и добывают свой собственный эксклюзив, из которого выясняется, что обнаружен троюродный брат Антона Агеева, «отчима избитого ребенка», и он (брат якобы) — «педофил, зверски замучивший сразу нескольких, кстати, тоже, заметьте, приемных детей!». Что «мачеха» вымещала на малыше злость за то, что он жив, а ее родной сын умер». Еще объявляется, что соседи Агеевых и раньше видели, как наказывали маленького Глеба: «Выставляли на мороз в одних шортиках!». Замечу в скобках, что у этих «участливых» соседей нет фамилий, да их никто и не спрашивает, зачем? Фабрика быстрорастворимых в душах и умах обывателей «сплетен в виде версий» трудится взахлеб, все идет нарасхват, сглатывается мгновенно. Безнаказанность рождает мощнейший шабаш желтых СМИ. Под телекамеры выпрыгивает, а позже переходит из одного телешоу в другое «биологическая» мать Глеба: «Я узнала своего Алешеньку, это мой сыночек, верните мне его!». Индийский фильм! Все плачут. Позже, уже к концу лета, когда телекомпания НТВ снимает программу «Максимум», чуть ли не целиком посвященную Агеевым, открывается удивительная вещь. На нее, как, впрочем, и на очень многое другое, конечно же, никто уже не обращает внимания, а ситуация такая: та же самая «биологическая» мать, которая била себя в грудь и причитала, что хочет назад свою кровиночку, открыв корреспонденту дверь, говорит достаточно членораздельно, что не может отвечать на вопросы. Почему? Вот здесь, пожалуйста, внимание: потому, объясняет женщина, что она уже продала все права на освещение истории в прессе. Она теперь может общаться только через газету «Жизнь»!

Дальше слов нет. Самое время обратиться к заключению, составленному комиссией специалистов Общероссийской общественной организации «Независимая психиатрическая ассоциация России» (НПА). Президент НПА Юрий САВЕНКО практически вытаскил из рук попытавшейся поднять голову карательной психиатрии правозащитницу Ларису Арап, независимого журналиста Андрея Новикова, многих других. Он — врач-психиатр высшей квалификационной категории с 48-летним стажем, член Экспертного совета при уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, вместе с тремя не менее квалифицированными коллегами (стаж работы каждого от тридцати лет) провел комиссионное комплексное психолого-психиатрическое освидетельствование Ларисы Агеевой. Документ находится в распоряжении редакции — несколько страниц подробного исследования. Цитата из последней главы под названием «Заключение»: «...Индивидуально-психологические и личностные особенности Л.В. Агеевой не содержат ни клинических, ни экспериментально-психологических по личностным тестам характеристик, которые обладают высокой интеркорреляцией с жестокостью: ни перверзного, ни эпилептиформного, ни органического круга. Проведенное исследование позволяет характеризовать Л.В. Агееву как добросовестную, любящую мать, а предположение об истязаниях ею своего ребенка Глеба Агеева следует признать крайне маловероятным... Нет никаких оснований полагать, что Л.В. Агеева страдает алкогольной и наркотической зависимостью...».

Просто представьте себе на минуточку: супружеская пара — два взрослых, вполне состоявшихся человека, у обоих по два высших образования. Он кандидат экономических наук и юрист, она по первой специальности инженер, по второй — тоже юрист. В 2000 году у них действительно умирает единственный сын от сложнейшего заболевания крови. Сыну шел 17-й год, у него уже была девушка... Только через шесть лет после этой трагедии они всерьез задумываются о том, чтобы усыновить детей из детского дома. Специально строят загородный дом, чтобы дети дышали чистым воздухом. Еще через два года (апрель 2008), когда вопрос с усыновлением решается, будущие родители одновременно меняют свой служебный статус. Они служат в одном банке, мать просит руководство перевести ее с должности заместителя начальника юридического отдела на удаленную работу, чтобы быть дома. Отец пишет заявление с просьбой о переводе с должности председателя на должность заместителя председателя банка, чтобы разгрузить рабочий день и побольше времени проводить с детьми. Во дворе дома они сооружают качели, горки, в самом доме игрушек больше, чем вещей взрослых, — так утверждают соседи, 15 человек с конкретными фамилиями дают именно такие показания и не боятся выступать «адвокатами насильников», вызывая на себя волну «всенародного гнева» на протяжении всей истории. Они ставят свои подписи под письмом в блоге Дмитрия Медведева и просят президента вмешаться, пишут: «...Мы с негодованием реагировали на совершенно абсурдные в отношении семьи Агеевых обвинения... выступали в суде с детальным освещением всех аспектов пребывания в течение года деток в доме, который действительно стал им родным. Наши дети и внуки постоянно играли с Глебом и Полиной, и те, в свою очередь, часто приходили к нам в гости. И теперь мы не знаем, как им отвечать, почему они лишены возможности общаться с детьми Агеевых...».

...Лариса Агеева шила и вязала детям одинаковую одежду, подчеркивала их родство. Дважды в неделю возила на развивающие занятия (лепка, рисование, подвижные игры, сценки) и дважды в неделю на занятия танцами. Руководители кружков уже дали показания о том, что никогда не предполагали, что Глеб и Полина — неродные дети, потому что они были открытые, раскованные, радостно бежали после занятий к маме и рассказывали ей, чему научились... У детей заметно улучшилась речь, они всегда были ухоженные и веселые... На занятиях танцами малыши в последний раз были за день до нашумевшей трагедии, случившейся с Глебом, — 19 марта. Форма на танцах — маечки и шортики, то есть достаточно открытая одежда. Руководители кружка никогда не замечали, чтобы у детей были бы какие-либо следы побоев...

Если хотя бы теоретически поверить в то, что в семье Агеевых случился несчастный случай, и забыть на время обо всех «троюродных педофилах», которых просто в природе не существует, можете ли вы представить себе хотя бы на минуточку, какого веса маховик подмял под себя эту семью? Как Мамай прошел: дети, привыкшие за год жить в семье, теперь в приюте, и еще не известно, как на них скажется все происшедшее. Семья порушена, развалена, растворена, убиты смысл и репутация людей. Из банка они давно уволены... Деньги «съели» адвокаты.

Лариса Агеева похудела за 10 дней марта на 15 килограммов. «Она и сейчас скучает по детям, остро тоскует по ним, ищет помощи...» — говорится в психологической экспертизе.

«Я очень хочу к папе!»

— В бильярде говорят: хороший удар не пропадает, — говорит мне Антон Агеев, и прикуривает одну сигарету от другой.

Про хороший удар — это точно...

Несколько царапин на шее у пятилетней девочки в Балашихе привели к тому, что органы опеки отобрали ее у родителей и поместили в приют. История начала развиваться в первых числах апреля — в самый разгар «высокой заботы» о детях. Но там в итоге хотя бы суд поступил по-человечески, девочку вернули в семью.

...Теперь же для «изъятия» детей вовсе необязательны царапины, и уж тем более синяки и гематомы, ничего такого не надо предъявлять... Органы опеки вошли во вкус и им отныне вполне достаточно высказать подозрения: «Человек какой-то темный... Есть вот у нас вновь выявленные обстоятельства, которые вынуждают изъять ребенка...». Обстоятельства бывают странные, сложные. Но каждое из них имеет свое объяснение. Только слушать объяснений никто не будет — возьмут ребенка за руку, да и «изымут» так, что вы его можете уже и не найти. 36-летний москвич Кристиан Чекалин оказался именно в такой ситуации. Когда мы с ним встретились в редакции, он не знал, куда увезли мальчика, который называл его папой на протяжении почти года. На него было тяжело смотреть...

Я смотрела документы, встречалась с разными людьми, советовалась со специалистами, пыталась, как могла, осмыслить: что стало основанием для такого жестокого обращения с этой семьей? Пришла к выводу: нет ничего, кроме подозрений. Никак не оправданных. Через 10 дней удалось выяснить местонахождение мальчика и поговорить с ним по телефону.

— Я хочу к папе! Очень! Пожалуйста, помогите! — сказал он. Ему 10 лет, его зовут Миша. Вы помните: во многом на основании слов трехлетнего Глеба Агеева страна назначала виновных. Пятилетнюю девочку из Балашихи суд заслушивал. Мише, повторюсь, 10 лет, и его никто слушать не стал. «В интересах ребенка» Кристиана Чекалина отстранили от обязанностей опекуна, не удосужившись узнать об интересах ребенка. Кристиан попытался изменить это решение через Хорошевский районный суд.

Суд тоже не стал слушать Мишу, а также не предоставил слова ни одному из свидетелей заявителя...

— С Кристианом просто сводят счеты через ребенка, — говорят свидетели.

Пока я больше ничего больше не скажу. Московский городской суд как раз в эти дни начинает рассматривать кассационную жалобу Чекалина.

О подробностях этой истории и о том, как будут развиваться события будет рассказано в ближайших номерах газеты.

Комментарий

«Органы опеки не отвечают за психическое состояние ребенка»

Людмила Петрановская, заслуженный учитель России, педагог, психолог, автор книги «К вам в класс пришел приемный ребенок». Стаж работы с приемными детьми, их родителями и педагогами более 7 лет:

— «Защита» приемных детей в семьях приобретает у нас сегодня характер истеричной кампании. Происходит шквал так называемых «изъятий», «отобраний», но такое развитие событий может быть оправдано только угрозой — жизни и здоровью. Не теоретически возможной, а непосредственной угрозой. Это не признано, не записано, не затвержено, и именно поэтому сегодня, по оценкам специалистов, с начала года уже отобрано не менее 30 тысяч приемных детей. Статистические данные обычно приводятся в конце года, но по тем данным, которые имеет профессиональное сообщество, цифра, которую я сейчас назвала, может быть еще больше...

Для «изымающих» синяк на теле — это важно, а разбитое сердце — пустяк. Самое страшное в происходящем — это разрыв привязанностей ребенка, большая травма, которая имеет длинный хвост в виде тяжелых переживаний, недоверия к людям, низкой самооценки.

Практика внесудебного изъятия детей из семьи, родной ли, приемной ли, должна быть прекращена. С ней можно было худо-бедно мириться, пока органы опеки бездействовали и не вмешивались до последнего. В ситуации административного рвения внесудебное изъятие стало представлять собой прямую угрозу здоровью и психике ребенка. А также жизни и здоровью других людей — я знаю как минимум один случай, когда бабушка необоснованно изъятый ребенок умерла от инфаркта. Боюсь, таких случаев больше.

Проблема в том, что мы сегодня имеем абсолютно искаженную систему ответственности. Если с ребенком в семье что-то случается, органы опеки виноваты. Если ребенок изъят «из перестраховки» или под давлением сверху — за нанесенную ему травму не отвечает никто. Между тем сделать ребенка сиротой второй раз ради

каких угодно соображений, кроме непосредственного спасения его жизни, — должностное преступление. Это должно именно так называться и иметь соответствующие последствия...

Автор: Галина Мурсалиева © Новая газета ОБЩЕСТВО, МИР 👁 3280 30.11.2009, 10:33 📌 265

URL: <https://babr24.com/?ADE=82512> Bytes: 18793 / 18731 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Галина
Мурсалиева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)